

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 123–131. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 123–131. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN XOYCSZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

ВРЕМЕНА ГОДА В ЦИКЛЕ К.К. СЛУЧЕВСКОГО «ИЗ ПРИРОДЫ»: АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОЗДАНИЯ

Ворожцова Надежда Анатольевна, аспирант, Вятский государственный университет, Киров, Россия, nad3657@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3996-6465>

Аннотация. В данной статье анализируются стихи поэта, посвященные весне, лету, осени, зиме. Исследование сезонной лирики К.К. Случевского раскрывает связь лирического героя его произведений с эмоциональным состоянием и философскими раздумьями человека эпохи «бездвременья». Автор статьи отмечает в произведениях Случевского как традиционные, так и новаторские подходы к созданию пейзажной лирики, анализирует «сквозные мотивы», вечные темы, мифопоэтические образы «реки», «воды», «солнца» «земли», «древа мирового». В исследовании обращается внимание на специфический стиль поэта – усложнённое построение метафор, использование звукописи, персонификации природных явлений, наделение традиционных поэтических образов нетрадиционными свойствами. Автор статьи доказывает, что цикл «Из природы» может рассматриваться как отражение философской позиции Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте. Поэт отражает во многих произведениях трагическое восприятие земного существования человека и неизбежность смерти. Одновременно в его творчестве присутствует как мотив смирения с неизбежностью страданий и готовности спокойно их принять, так и романтическая устремленность к иным «счастливым», но «чужим» мирам, осмысление смерти как возможного освобождения человека от оков трагического земного бытия.

Ключевые слова: русская поэзия XIX века, сезонная лирика, мифопоэтика и архетипы в литературе, философская лирика, литература эпохи «бездвременья».

Для цитирования: Ворожцова Н.А. Времена года в цикле К.К. Случевского «Из природы»: авторская концепция мироздания России и за рубежом // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 123–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

Research Article

THE SEASONS IN THE CYCLE OF THE POEMS “ABOUT NATURE” BY KONSTANTIN SLUCHEVSKY: THE AUTHOR’S CONCEPT OF THE UNIVERSE

Nadezhda A. Vorozhtsova, PhD student, the Vyatka State University, City of Kirov, Russia nad3657@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3996-6465>

Abstract. This article analyses the poems dedicated to spring, summer, autumn, winter. The study of seasonal lyrics by Konstantin Sluchevsky reveals the connection of the lyrical hero of his works with the emotional state and philosophical reflections of the “timelessness” era human. The author of the article reveals both traditional and innovative approaches to creating landscape lyrics, analyses “cross-cutting motifs”, eternal themes, mythopoetic images of “river”, “water”, “sun”, “earth”, “world of trees”. The study draws attention to the specific style of the poet – the complicated construction of metaphors, the use of sound writing, the personification of natural phenomena, endowing traditional poetic images with non-traditional properties. The author of the article proves that the cycle “About Nature” can be considered as a reflection of Sluchevsky’s philosophical position, who perceives life in all its versatility and completeness. The poet reflects the tragic perception of the earthly existence of human and the inevitability of death in many works. At the same time, his works contain both the motif of resignation to the inevitability of suffering and readiness to calmly accept them, as well as a romantic aspiration to other “happy”, but “foreign” worlds, an understanding of death as a possible liberation of a person from the shackles of tragic earthly existence.

Keywords: 19th century Russian poetry, seasonal lyrics, mythopoetics & archetypes in literature, philosophical lyrics, “timelessness” era literature.

For citation: Vorozhtsova N.A. The seasons in the cycle of the poems “About Nature” by Konstantin Sluchevsky: the author’s concept of the universe. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 123–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

Константин Константинович Случевский относится к числу наименее изученных поэтов второй половины XIX века. Вызвав неоднозначные оценки и критику многих современников, К.К. Случевский, однако, как подчеркивает А.В. Федоров, оказал огромное влияние на культуру России и последующее становление литературной русской мысли: «Оригинальность поэзии Случевского именно в ее лучших достижениях обеспечила ей видное место в русской литературе на рубеже двух веков и обусловила ее успех у представителей новых поэтических течений» [Федоров: 44].

В последнее время творчество К.К. Случевского все чаще привлекает внимание исследователей и становится объектом анализа в многочисленных научных работах, в том числе в монографиях Е.А. Тахо-Годи [Тахо-Годи], О.В. Мирошниковой [Мирошникова], А.Ю. Ипполитовой [Ипполитова], Т.Э. Смородинской [Смородинская] и диссертациях Н.В. Мадигиной [Мадигина] и А.Ю. Козыревой [Козырева]. Во всех литературоведческих работах отмечается новаторский характер лирики К.К. Случевского, его влияние на многих молодых поэтов-модернистов. В то же время творчество поэта исследовано лишь в отдельных его аспектах, многие произведения рассмотрены весьма поверхностно, в частности, утверждается, что некоторые лирические циклы Случевского, в том числе «Из природы», «Мгновения», «Лирические», «не обладают философской завершенностью» и «ничем не отличаются от аналогичных тематических разделов в сборниках других поэтов-восьмидесятников» [Козырева]. Подобные утверждения нуждаются в уточнении и пересмотре, что обуславливает актуальность обращения к более глубокому изучению творчества поэта, в частности тех его граней, которые до сих пор остаются за рамками исследовательского внимания.

Одной из особенностей творчества К.К. Случевского является объединение произведений в циклы, при этом автор придерживается разных принципов при группировке стихотворений. Так, произведения могут объединяться по философскому, тематическому или пространственному признакам. На наш взгляд, цикл у Случевского должен рассматриваться как особый способ художественного воплощения аксиологии и философии поэта. В доказательстве данного положения видится теоретическая значимость принятого исследования.

В данной статье мы обращаемся к анализу цикла «Из природы», который ранее не обращал на себя внимания исследователей. Цикл включает 20 произведений, объединенных по тематическому принципу: во всех стихотворениях изображается мир природы.

В целом стихотворений о природе у К.К. Случевского не так много. Он поэт философского склада, поэтому, как справедливо отмечает Ю.В. Леготина,

даже природные образы «предпочитает возводить... в метафорические» [Леготина]. В связи с этим стихи К.К. Случевского из анализируемого цикла – это не просто «волшебный, очеловеченный мир природы» [Дзусева: 29], а отражение авторского философского взгляда.

Следует отметить, что поэт жил в период застоя культурной и литературной жизни, которому были присущи пессимистические настроения, что отразилось и в анализируемом здесь цикле «Из природы», который при подготовке собрания сочинений 1898 года включил в себя произведения различных лет написания и приобрел логичный и законченный вид [Федоров: 42].

Цель, которую мы ставим при исследовании цикла «Из природы», – рассмотреть авторскую концепцию мироздания, воплотившуюся в произведениях, посвященных различным временам года, и соотнести образы природы, созданные в цикле, с фольклорно-мифологическими представлениями, христианской традицией, элементами литературного и культурного контекстов.

Впервые цикл «Из природы» в полном объеме был опубликован в собрании сочинений 1898 г. До этого его разрозненные стихотворения издавались в многочисленных журналах и сборниках, некоторые стихотворения имеют 2-3 редакции. Большая часть произведений цикла – 13 из 20 – представляет собой сезонную лирику.

Открывается цикл **весенней группой произведений**. Первое стихотворение – «**На реке весной**», которое впервые было опубликовано в «Отечественных записках» в 1860 г. При подготовке издания 1898 г. первоначальный текст подвергся изменениям. В данном исследовании анализируется окончательный вариант. Стихотворение является своеобразным провозглашением весны. Автор изображает живую картину: приход весны, пробуждение, движение. Лед вот-вот тронется, напряжение достигает своего пика: «Последним льдом своим *спирая* / Судов высокие бока» (курсив мой. – Н.А. Ворожцова) [Случевский: 247]. В произведении большую роль играют философские мотивы, в частности мотивы жизни и смерти (рождения и умирания), сопряженные с контрастными образами мира земного с его страданиями и романтического идеального мира, который недостижим в реальности.

Основным образом в произведении является образ реки. Река – это значимый мифологический символ, «элемент сакральной топографии», выступающий «в качестве некоего “стержня” вселенной, мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры» [Мифы народов мира: 861]. Река связана с одной из фундаментальных стихий мироздания, с водой, которая воплощает исходное состояние все-

го сущего [Мифы народов мира: 198]. В мифопоэтическом сознании река в синтезе с водой является «водяной дорогой-рекой» в другой мир [Мифы народов мира: 862].

Именно в таком значении – соединения противоположных миров – изображается река в стихотворении Случевского «На реке весной». Река представлена «потоком спокойным» «с журчаньем нежным». Образ реки персонифицирован, она – посланница, ее путь – из здешних краев в чужие, и лирический герой обращается к ней с просьбой поведать «другим звездам», «иным землям и людям дальним» о том, как непросто живется здесь. В то же время эти неведомые земли представляются «страной счастливой, но чужой». Используя прием антитезы, противопоставляя мир, существующий «здесь и сейчас», иному «счастливому» миру, автор передает свое трагическое мироощущение.

Кроме персонификации реки, ее метафоризации («работница-волна»), Случевский одушевляет и одновременно связывает весну, символизирующую жизнь, со смертью: «...смерть с весной здесь дружбу водит» [Случевский: 247]. И далее с помощью сравнения подчеркивается, что люди здесь «гаснут, как огни». Если в мифопоэтическом сознании зима – олицетворение смерти, то у автора в этой роли выступает весна, которая в традиционном понимании является возрождением жизни. В связи с этим можно отметить, что смерть для Случевского – это возрождение, возвращение к другой ипостаси жизни.

Автор продолжает весеннюю тематику вторым стихотворением цикла – «**Животворящий блеск весны...**» (впервые опубликовано в первом томе собрания сочинений в 1898 г.). Вынесенная в заголовок первая строка стихотворения задает возвышенный тон: «животворящий» – слово, отсылающее к религиозно-церковной тематике. Последняя строка – «Христос воскрес!» [Случевский: 248] – раскрывает смысл всего произведения. Дыхание весны, возрождение, пробуждение природы и, наконец, воскресение живого и растительного мира – как естественный процесс после зимнего «умирания» – соотносится со светлым праздником Воскресения Христова и тождества весны с человеколюбием. Одним из центральных образов является «солнце», этот образ вначале проявляется при помощи сложной метафоры «животворящий блеск весны», а в финале автор напрямую упоминает небесное светило. Солнце – источник энергии, тепла, света – является преобладающей мифологемой цикла «Из природы» в целом. С ним связано торжество жизни во всех ее проявлениях, единство человека с природой и, наконец, солнце связано со всеми природными явлениями – молнией, грозой, громом, ветром и т. д., что составляет «мифопоэтический космос солнечного культа» [Шохина: 81]. Согласно языческой

символике, солнечный бог – посредник между небом и землей, а согласно христианскому восприятию, солнце – это «естественный символ Христа» [Авдейчик: 39–46]. В связи с тем, что солнце – энергия жизни и способствует обновлению всего живого, оно у К.К. Случевского закономерно наделяется возрождающими функциями в весеннее время года: «Зеленый тронулся покров», «первый беленький цветок», «первые песни леса» [Случевский: 248]. Согласно мифологической логике, часть абсолютно тождественна целому, поэтому луч обладает всеми признаками самого солнца [Козубовская: 68]. Солнечный луч у Случевского: «Вздохнули волны и струи» [Случевский: 248] – символизирует весну, вследствие чего «И день становится длинней, / И небо дальше синей» [Случевский: 248]. Художественные средства, используемые для изображения весны, подчеркивают свежесть («Вздохнули волны и струи»), легкость («И первый виден мотылек»), хрупкость этой поры («И первый беленький цветок» [Случевский: 248]). Обращает на себя внимание наличие повторов как выразительного средства поэтической речи. Каждая строка второй части стихотворения (половина второй и вся третья строфа) начинается с союза «и»: «И день намного стал длинней, / И небо дальше синей... / И первый виден мотылек, / И первый беленький цветок, / И полон первых песен лес, / И солнце... и «Христос воскрес!» [Случевский: 248]. Автор вводит повторяющийся союз для передачи длительности изображаемого, как будто нанизывая эпизоды одной большой картины, чтобы запечатлеть в памяти все значимые детали весеннего пейзажа.

Заключительным аккордом весенней тематики выступает произведение «**Майским утром**» (впервые опубликовано во второй книге стихотворений 1881 г.). Само название отсылает к мифопоэтике времен года, когда представление о частях дня переносится в мифологии на год и на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны [Мифы народов мира: 503]. Таким образом, название стихотворения «Майским утром» наполняется новой семантикой в контексте равенства утра с весной.

Центральным выступает образ сада, утопающего в изобилии цветов: «Разодевшись, будто к празднику, / Все кусты в цветах стоят!» [Случевский: 249]. Лирический герой погружается в его чарующую атмосферу, вдыхая аромат весенних цветов: «Тянет запахом чарующим / От цветов, как от огней!» [Случевский: 249]. Цветочное буйство сравнивается с ярким пламенем: «Что ни цвет – то пламя жаркое! / Что ни почка – огонёк!» [Случевский: 249]. И как следствие этого «пожара» – тянущийся дым, оставляющий после себя сладкий шлейф аромата

цветов: «Точно дымкой благовонною / С неисчисли-
мых стеблей / Тянет запахом чарующим / От цветов,
как от огней!» [Случевский: 249].

Интересна выведенная поэтом метафора, осно-
ванная на сравнении весенней природы с взросло-
ющим мальчиком, юношей: «У природы, знать, на ще-
ченьках / Обозначился пушок!» [Случевский: 249].
Как и в предыдущем стихотворении, здесь Случев-
ский также использует повторяющиеся анафори-
ческие конструкции: «Вот сирень идёт! Вот жимо-
лость! / Вот яминная волна! / Вот и липа к цвету
тронулась...» [Случевский: 250].

Естественно и объяснимо желание автора «пой-
мать» мгновение, остановить его и сберечь. И что,
как не цветок, может помочь сохранить весенние
воспоминания? Однако будет ли способен он, спрес-
сованный страницами «темной книжки», «как распы-
тый / И умерший на кресте!» [Случевский: 249] пере-
давать всю палитру запахов, красок и впечатлений?
Так в финале стихотворения подчеркивается мысль
о непрочности прекрасных мгновений бытия, их не-
долговечности.

Летнее время года представлено в цикле тремя
стихотворениями.

В стихотворении «**Рассвет в деревне**» (впервые
опубликовано в журнале «Отечественные записки»
в 1860 г., при подготовке издания 1898 г. первоначаль-
ный текст подвергся изменениям, в исследова-
нии анализируется окончательный вариант) нет упо-
минания сезона, но по отдельным деталям понятно,
о каком времени года идет речь. Так, из строки
«Идёт обоз с богатой кладью жита» следует, что дей-
ствие происходит в конце июля, после православ-
ного праздника пророка Ильи (2 августа, 20 июля
по старому стилю). Как говорили в народе, «Илья
лето кончает, жито зажинает». «Подсказка» кроется
еще и в цитате: «И тянет от полей гвоздиком и ме-
дом». Отсылка также к церковному празднику Медо-
вого Спаса (14 августа, 1 августа по старому стилю).
Считается, что соты в ульях к этому времени напол-
нены до отказа и пасечники приступают к сбору меда.

Кроме пейзажной тематики в стихотворении зву-
чат и философские мотивы, являющиеся сквозными
в творчестве Случевского: жизни и смерти, расцве-
та и увядания. В одном пространстве сосуществуют
изобилие, материальное его воплощение: «Идёт обоз
с богатой кладью жита» – и пустота, небытие: «А за
селом погост и низкие кресты» [Случевский: 251].

Данное стихотворение выделяется из всего цик-
ла: оно единственное, в котором присутствуют обра-
зы людей: «старик» и «девушка». Эти образы отража-
ют антитезу молодость – старость: «... в окне *старик*
седой / Глядит и крестится на первый луч рассвета; /
А вот и *девушка* извилистой тропой / Идёт к реке, ог-
нём зари пригрета» (курсив мой. – Н. В.) [Случев-

ский: 251]. Противопоставление «старый – молодой»
подчеркивает различие между увядающей и расце-
тающей жизнью.

Солнце наделяется функцией огня, жара: «Огонь,
огонь! На небесах огонь!» [Случевский: 251]. Сол-
нечный луч – знак света Творца, символ его перво-
родного безупречного мира, обозначение того, что
тьма повержена и торжествует свет. Старик лишь
из окна наблюдает за происходящим, тогда как де-
вушка «пригрета» солнцем, что символизирует ее
связь с согреваемой солнцем землей и ее плодono-
сящими силами.

Земля – еще один мифопоэтический образ, при-
сутствующий в стихотворении. В подтексте послед-
ней строки присутствует мотив земли-кормилицы:
«И тянет от полей гвоздиком и медом / И теплой све-
жестью распаханной земли» [Случевский: 251]. По-
нятие «земля-кормилица» с давних времен включено
в архетип сознания русского человека. В пословицах
и поговорках о «матери-кормилице» проявилось мно-
говековое благоговейное отношение наших предков
к земле как к залого будущего урожая, а также к тем
дарам, которые она дает людям.

В произведении поэт обращается и к такому мифо-
поэтическому образу, как река, которая представ-
лена во взаимосвязи с образом коня. Конь в русской
культуре является символом благородства, мощи, не-
укротимой энергии: «По грудь в реке стоит косматый
конь» [Случевский: 251].

Деревенский пейзаж украшает образ церкви,
метафора «И церковь древняя, чешуйками покры-
та» [Случевский: 251] указывает на облупившееся со
временем покрытие, выступающее символом много-
вековой веры, религии.

Так, через взаимосвязь образов старика – девуш-
ки – солнца – земли – воды – коня – церкви в стихо-
творении выражается, с одной стороны, мысль о не-
избежной смене поколений и вечном обновлении,
с другой – идея незабываемости и сакральности уста-
новленных веками традиций.

Произведение «**Тучи и тени**» (впервые опублико-
вано без заглавия в журнале «Нива» в 1884 г.) лишь
условно можно отнести к летней тематике, потому
что лето в этом стихотворении – лишь фон для наибо-
лее полной реализации идеи поэта, которая заклю-
чается в противопоставлении «мира горного» и «земной
юдоли». Контраст возвышенного и земного выражен
с помощью образов туч и их теней и представлен
верхним и нижним мирами. Земной мир, в котором
живут обычные люди, противопоставлен верхнему
миру – небу [Мифы народов мира: 192–193].

В стихотворении К.К. Случевского изображает-
ся диалог туч и их двойников-теней. Последние со-
крушаются, что их положение много ниже, откровен-
но завидуя тучам: «Вам ли счастье, радости, краски

не даны, / *Вам ли* нет раздоля, *вам ли* нет отрады / В переливах радужных светлой вышины?» [Случевский: 260]. Но тучи как создания более возвышенные и духовные понимают, что теням доступно то, чего нет у них: «Ближе вы к юдоли плача и страданья, / Но зато вы в близости радостей людских...» [Случевский: 260]. В этих строках выражается философская концепция Случевского, воспринимающего земную жизнь в ее амбивалентности: это не только мир страданий, но и мир радостей.

Следующее стихотворение «**Прощание лета**» (впервые опубликовано в журнале «Современник» в 1869 г.) сочетает в себе мотивы пейзажной и интимной лирики. Лето, уходя, в слезах сокрушается, улыбается земле сквозь слезы. Лето персонифицируется в образе уязвленной и обиженной женщины, чувствующей дух соперничества, которая, будучи не в силах справиться с ревностью, говорит: «Я уйду – роскошная южанка – / И к тебе, на выставшее ложе, / Низойдет любовница другая, / И свежей, и лучше, и моложе» [Случевский: 252]. По контрасту с летним «южным» образом создается образ зимы-северянки в прекрасном убранстве: «У неё алмазы в ожерелье, / Платье бело и синее льдами, / Щёки бледны, очи светло-сини, / Волоса осыпаны снегами...» [Случевский: 252]. Хотя наряд лета и не менее привлекателен: ленты и цветные платья, астры, изумруды и горячие объятья, но все-таки смена времен года неизбежна, и лето должно уступить. Кроме главных соперниц – лета и зимы – в тексте упоминается осень как переходный период между ними: «Осень землю золотом одела» [Случевский: 252].

В стихотворении персонифицируются зима и лето и показывается противоборство между ними. Они наделяются человеческими качествами, лето демонстрирует ревностное поведение, но далее, как бы успокаивая себя, заканчивает монолог фразой: «Я вернусь, согрею наше ложе, / Утомлю и утомлюсь с тобою!» [Случевский: 252], свидетельствующей о неизбежном возвращении летнего времени года, идущего на смену зиме и весне.

Осеннее время года представлено четырьмя стихотворениями: «**Осенний мотив**», «**В листопад**», «**На озере осенью**» и «**Первый мороз**». Причем каждое из них описывает разные периоды этой поры, различные состояния природы и человека.

Так, стихотворение «**Осенний мотив**» (впервые опубликовано в 1890 г.), написанное пятистопным ямбом, с первых же строк воссоздает торжественную атмосферу: старый клен еще «густ, и зелен, и тернист», «еще и птиц напевы голосисты», но лист его «уже слегка озолочен» [Случевский: 261].

Как и во всем рассматриваемом цикле, здесь помимо собственно пейзажных зарисовок присутствуют и философские мотивы. У природы процессы уя-

дания и обновления (жизни и смерти) повторяются из года в год, в то время как жизнь человеческая движется по линейной траектории, и в этом – одновременно ее трагедия и глубинный смысл. Монолог, обращенный к могучему дереву, сводится к антитезе: «Весь обновлён, листвою своею всецело / Отдашь ласкам будущей весны. <...> Но, старый друг, нет людям обновленья, / И жизнь идёт, как нить с веретена» [Случевский: 262]. «Нить с веретена» выступает как мифопоэтический символ долгой жизни, которую, однако, в любой момент могут оборвать богини судьбы мойры [Мифы народов мира: 835].

В этом произведении клён сравнивается с «древом мировым», являющимся одним из центральных в мифопоэтическом сознании образом, воплощающим универсальную концепцию мира [Мифы народов мира: 330]. Через прием олицетворения автор представляет клен как живое существо, которое способно испытывать чувства, предаваться воспоминаниям: «...твое воспоминанья, остатки чувств, испытанных тобой», наслаждаться ласками: «...листвою своею всецело отдашь ласкам будущей весны» [Случевский: 262]. В мифопоэтическом сознании «дерево мировое» выступает как связующее звено между вселенной и человеком и является местом их пересечения. Прежде всего, в мифопоэтике образ «древа» гарантирует целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной [Мифы народов мира: 336]. В стихотворении данный подход выражается через мотив жизни и смерти, при сопоставлении человека и дерева: «Ты будешь жить и будущей весной. <...> Для нас – не то. Хотя живут стремленья» [Случевский: 262].

Обращают на себя внимание «монисты» клена – «семян созревших мотыльки», или, как их называют биологи, крылатки. В них заключена ДНК дерева, они хранят в себе информацию о нем, причем не только генетическую, но родовую память. Старый клен выступает как символ вековых природных традиций, символ вечного обновления и возрождения. Человек же, восхищающийся величием и спокойствием древа, без страха погружающегося в «глубокий сон зимы обледенелой» [Случевский: 262], осознает невозможность собственного возрождения и неизбежное угасание.

Осенняя тема продолжается в стихотворении «**В листопад**» (впервые опубликовано в книге первой, цикл «Думы и мотивы» в 1880 г. При подготовке издания 1898 г. первоначальный текст подвергся изменениям. В данном исследовании анализируется вариант 1898 г.). В этом произведении представлен уже иной пейзаж – осенняя непогода, в образе непокорной стихии передается тревожное настроение.

Поэзия Случевского рассчитана в одинаковой степени на слуховой и визуальный эффект. С каждым

последующим описанием общая картина дополняется новыми деталями: «ночь светла», «небо скрыто облаками», «роща бушует и бичуется», «ветер вьется», «листья скачут», «ветер гонит и терзает», «дорога мелькает», «вьется», «бьется», «копошится», в целом перечисляются явления, которые одновременно сосуществуют в едином пространстве.

Как и в большинстве поэтических произведений Случевского, пейзаж здесь становится фоном для философских обобщений. Читатель оказывается словно в театре теней, где видны лишь очертания, и фантазия может додумать собственные образы. Так, бесчисленное количество гонимых ветром и скачущих по дороге листьев напоминает бегущую толпу чело­вечков размером с кулак (именно такое значение в переводе с греческого имеет слово «пигмеи»): «Листья скачут вдоль дороги, / Как бессчётные пигмеи» [Случевский: 254]. Парадигма сравнений листьев постепенно расширяется, и вот это уже не просто маленькие люди: «Это – бывшие страдания, / Облетевшие мученья / И поблекшие желанья...» [Случевский: 254].

Осенняя листва гонима ветром так же, как человек гоним неизбежными страданиями: «*Всех их вместе ветер гонит / И безжалостно терзает!*» [Случевский: 254], что отражает общую безрадостную судьбу. Можно отметить трагическое настроение лирического героя, осознающего безысходность и неотвратимость человеческих страданий в земном бытии.

Еще одно сравнение с негативной коннотацией связано с образом дороги, которая имеет сходство со змеей: «Нет конца змее великой... / Вьётся, бьётся, копошится, / В даль и темень уползает, / Но никак не может скрыться» [Случевский: 255]. Случевский создает не просто метафору, дорога-змея обретает символические черты змея «темного» и «великого», властителя и искусителя земных человеческих душ, обрекающего их на страдания. Темная земная дорога человеческих страданий противопоставлена небесному свету: «Ночь светла, но свет этот скрыт от человека: «...звезд не видно, / Небо скрыто облаками» [Случевский: 255]. Все это вписывается в общее трагическое настроение осенних стихотворений поэта.

Стихотворение «**На озере осенью**» (впервые опубликовано в первом томе собрания сочинений в 1898 г.), в противоположность предыдущему, воссоздает не динамическую, а статическую картину осенней природы: «Спустилась осень. Обмелела / Вода на озере давно» [Случевский: 273]. Озеро как замкнутый водоем, в отличие от полного движения реки, предполагает инертность, оттого и «недры» его спокойны. Олицетворение как основной художественный прием используется и здесь: «спустилась осень», «озеро одето», «гладь не любит ярких красок света... отражать», вода «рисунки оставляла» [Слу-

чевский: 273]. Образ «солнца» в этом произведении уже не такой, как в стихотворениях весенней и летней тематики. Солнце скрывается от земли: «Заря как будто бы таит: / Где взглянет солнышко, вставая! / Совсем не то, что по весне!» – провозглашает поэт [Случевский: 274].

Тоска по весне дает понять, что осенняя пора у автора – не самая любимая. Это, скорее, то, что нужно пережить, переждать. Так, сравнивая осеннюю зарю с ее разлитым повсюду мраком и весну с негаснущими на востоке золотыми тучками, восклицанием «Совсем не то, что по весне!», поэт ясно выражает свою позицию: солнечная весна противопоставлена сумеречной осени. Скрытое от лирического героя солнце присутствовало и в другом проанализированном ранее осеннем стихотворении «В листопад», но если там скрывшееся от взгляда человека солнце подчеркивало трагичность земного существования человека, то здесь все-таки присутствует мысль о закономерности происходящих явлений.

Завершает осеннюю тему цикла стихотворение «**Первый мороз**» (впервые опубликовано в книге первой в цикле «Картинки и фантазии» в 1880 г.). Упоминание о замерзающих с первыми холодами цветах присутствует уже стихотворении «На озере осенью»: «Морозцем выжжены цветы» [Случевский: 274]. Теперь первый осенний мороз, знаменующий собой умирание растительного мира, становится основной темой произведения. Образ смерти, которая «глохнет жизнь с ветвей», зловещ и даже пугает. Усиливает эффект образ «листочков-покойничков», которые «тлеют вдоль полей» и вызывают ассоциации с многочисленной ратью воинов, polegших на поле битвы. Можно сравнить этот образ с листьями из стихотворения «В листопад», где они также сравнивались с «маленькими людьми» и их страданиями и мученьями, которым нет числа. Но, в отличие от трагического мироощущения, преобладающего в стихотворении «В листопад», здесь присутствует иное, жизнеутверждающее начало: третья строфа звучит как торжественный апофеоз, знаменующий победу новой жизни над смертью: «Не пируй, смерть лютая! / Погляди: с сучков / Смотрят почки новые / Будущих листков!» [Случевский: 254].

На основе анализа осенних стихотворений К.К. Случевского можно сказать, что взгляд поэта меняется вместе с меняющимся состоянием природы: от отчаяния и смирения – к уверенности в том, что не только природа, но и весь мир обновится весной. При этом неоднозначным представляется осмысление автором цикла таких составляющих человеческого бытия, как жизнь и смерть. Если в стихотворении «Осенний мотив» присутствует трагическое осмысление лирическим героем неизбежной смерти, а «В листопаде» трагически изобража-

ется земное бытие человека, погруженное в смятение и тьму, то в стихотворении «На озере» уже возникает мысль о весне, когда «в ночи, в часы любви, / Там, на востоке, в стороне, / Не гаснут тучки золотые, / И пламя тлеющее ждет – / Вот, вот раздует, как придет!» [Случевский: 274]. А в стихотворении «Первый мороз» звучит уже жизнеутверждающая мысль о победе жизни над смертью.

Завершает тему времен года в цикле Случевского описание **зимней поры**. В русской литературе образ зимы раскрыт глубоко и многогранно. Ее облик может быть торжественным и праздничным либо, напротив, замершим, безжизненным и подавленно-молчаливым. Зима также может являть собой бушующую стихию, внушающую страх и демонстрирующую ничтожность человека перед ее мощью и силой [Леготина]. В поэтических текстах зимней тематики Случевского актуализировались разные смыслы анализируемого времени года. Зимнюю лирику цикла «Из природы» составляют стихотворения: «**Мало свету**», «**Снега**» и «**Наши птицы**».

В стихотворении «**Мало свету**» (впервые опубликовано в журнале «Нива» в 1880 г.) говорится о коротких мрачных днях, оставляющих тяжелое, гнетущее впечатление, словно весь мир сузился до размеров одной избы с низким потолком, в которой темно и нечем дышать. В этом произведении поэт обращается к популярному у модернистов приему – наделению традиционных поэтических образов нетрадиционными свойствами. Так, воздух у него превращается практически в твердое тело: «Воздух *темен и нечист*, / Не подняться даже дыму – / Так он *грузен и слоист*» [Случевский: 257].

Интересен контекстуальный синонимичный ряд, имеющий общее значение непрозрачного воздуха, загрязненного пылью, дымом, копотью: *дым, туман, мгла*. В эту парадигму вписывается и метафоричное сочетание *дремота дня* как обозначение всеобщего полусонного, затуманенного состояния, марева. Конечно, в тексте нет упоминания конкретных мест, но с большой долей вероятности вырисовывается образ северной столицы России. В литературе XIX века за Петербургом закрепилась репутация города, где человек чувствует себя «маленьким» (вспомним один из охарактеризованных ранее осенних образов поэта – *листья-маленькие люди*), где его движения и желания скованы вязким туманом вперемешку с дымом и мглой. В произведении Случевского образ зимы мифологизируется, так как, соотносясь с понятием «ночь», символически воспроизводит мифологическую параллель: ночь и зима – это замирание жизни растительного мира [Мифы народов мира: 503].

Совершенно иное настроение у стихотворения «**Снега**» (впервые опубликован в журнале «Современник» в 1860 году). В отличие от первого зимнего

текста, здесь и тема, и мотивы, и настроение, и тон совсем иные. Картина природы светлая, торжественно-возвышенная.

Звучит и тема одиночества, но оно не угнетающее, не трагичное и отчаянное, но такое светлое и возвышенное, в котором можно приблизиться к Богу. Иллюстрацией такого одиночества может служить картина И. Шишкина «На севере диком» (1891), написанная по мотивам лермонтовского перевода стихотворения Генриха Гейне «Сосна стоит одиноко». Сопоставление К.К. Случевского с М.Ю. Лермонтовым неслучайно. Так, В.Г. Гаврилова подчеркивает: «...даже Аполлон Григорьев, восторженно отзывавшийся о стихах Случевского и подмечавший его оригинальность, все же сравнивал его поэзию с творчеством Лермонтова» [Гаврилова: 118]. Все это воссоздает культурно-эстетический контекст написанного Случевским стихотворения.

Центром зимнего пейзажа И. Шишкина становится огромная сосна, которая возвышается над серо-синим, ледяным безмолвием. То же и у Случевского: «Неподвижная ночь холодна, / И глубоко нема тишина» [Случевский: 258]. Лунный свет подчеркивает величие и размах степи: «Месяц в небе высоко стоит, / Степь, покрытая снегом, блестит» [Случевский: 258]. Тема космического, божественного, горнего звучит здесь отчетливо: «И ломается в воздухе свет / Проплывающих звёзд и планет...» [Случевский: 258]. Все это дополняется одновременно мистическими и религиозными образами: из белых снегов встают белые люди и идут «на таинственный зов». То ли это языческие духи зимы, то ли христианские святые («Светят лики неясные их»), то ли бестелесные ангелы («И проходят одни сквозь других»). При этом ощущения страха перед этими существами не возникает. Скорее, напротив, присутствует детское любопытство и радость от их присутствия, пусть и с позиции наблюдателя.

Звукопись последней строфы с повторяющимися [з] и [с] помогает воспроизвести эффект свечения, сияния, мерцания, морозного дребезжания, звона: «Светят лики неясные их, / И проходят одни сквозь других, / И по степи мерцает вокруг / Много, много светящихся рук...» (выделено мной. – Н. В.) [Случевский: 258].

В цикле присутствует стихотворение «**Наши птицы**» (впервые опубликовано в книге первой в цикле «Картинки и фантазии» в 1880 г.). В стихотворении противопоставлены «счастливые страны», где зимние холода – редкость, русской природе, далеко не столь благоприятной для жизни: «Счастливым странам не столько известны, / Сколько известны отчизне моей...» [Случевский: 269]. Случевский напоминает о том, что Россия – холодная страна, несчастливая в климатическом отношении, указывая

на «долгую зиму в полях и лесах!» [Случевский: 269]. Поэт описывает ворон, галок и воробьев, которые близки русскому человеку. В отличие от привлекающих своей окраской и внешним видом экзотических южных птиц, русские «птицы» просты и неприхотливы. В стихотворении К.К. Случевского звучит своеобразный гимн самым простым птицам, способным согреть душу человека даже в холодные зимние дни: «Вы утешаете сердце подчас. / И для картины вы очень существенны / В долгую зиму в полях и лесах!» [Случевский: 269]. Несмотря на простоту внешнего вида и отсутствие какой-либо пестроты оперения, автор восхищается «птицами прелестными»: «Ваши окраски всё серые, чёрные, / Да и обличьем вы очень просты: / Клювы как клювы, прямые, проворные, / И без фигурчатых перьев хвосты» [Случевский: 269]. С теплотой и нежностью относится поэт к пернатым друзьям, особенно отмечая их преданность, ведь они остаются зимовать, не покидая наши холодные края: «В непогоду, вьюги, буруны, метелицы – / Всё вы, голубчики, тут, подле нас» [Случевский: 269]. Философский смысл этого произведения – в рассуждении, что всякая жизнь «благодать», хоть и «скромная», хоть и «малая» и «небольшая», и даже жизнь, «в испытаньях великих бывалая», способна «многое вновь испытать» [Случевский: 270].

Предпринятый в статье анализ цикла Случевского «Из природы» опровергает утверждение о том, что данный цикл традиционен и не обладает философской завершенностью. Напротив, цикл «Из природы», воспроизводящий различные стадии календарной смены времен года и показывающий многообразные изменения и состояния природы, может рассматриваться как отражение философской позиции К.К. Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте. С одной стороны, поэт выражает философию эпохи «безвременья», подчеркивая во многих произведениях, соотносимых с осенней и зимней тематикой, трагическое восприятие земного существования человека и неизбежность смерти, с другой – в его произведениях присутствует как реалистическое смирение с неизбежностью страданий и готовность спокойно принять эту неизбежность, так и романтическая устремленность к иным «счастливым», но «чужим» мирам, осмысление смерти как возможного освобождения человека от оков трагического земного бытия.

Список литературы

Авдейчик Л.Л. Огненно-световая сфера природы в поэзии В.С. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика, 2007. № 3–4. С. 39–46.

Гаврилова В.Г. К.К. Случевский в истории русской литературной критики // Вестник Таганрогского

государственного педагогического института. 2010. № 52. С. 118–123.

Ипполитова А.Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2006. 319 с.

Козубовская Г.П. Поэзия А.А. Фета и мифология: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 256 с.

Козырева А.Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: Циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полуса», «Мурманские отголоски»: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 235 с. URL: <https://www.disscat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniya-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumu-me> (дата обращения: 06.02.2023).

Леготина Ю.В. Образы Севера и зимы в лирике К.К. Случевского // Рябининские чтения – 2015: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015. С. 492–495. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1612.html> (дата обращения: 06.12.2022).

Мадигожина Н.В. Поэтика К.К. Случевского: проблемы полифонизма и прозаизации лирики: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 183 с.

Мирошникова О.В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К.К. Случевского. Омск: ОмГУ, 2003. 137 с.

Мифы народов мира: энциклопедия. Москва, 2008. 1147 с. URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mifi-narodov-mira-enciklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (дата обращения: 30.01.2023).

Сморodinская Т.Э. Константин Случевский. Не-своевременный поэт. Санкт-Петербург: ДНК, 2008. 280 с.

Случевский К.К. Сочинения Случевского К.К.: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. Санкт-Петербург: Изд. А.Ф. Маркса, 1898. 368 с.

Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне: монография. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. 400 с.

Федоров А.В. Поэтическое творчество К.К. Случевского // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. Москва; Ленинград: Сов. писатель, 1962. С. 5–52.

Шохина Е.В. Аквагические и соляные мотивы в летних текстах русских поэтов начала XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С. 81–84.

References

Avdeichik L.L. Ognenno-svetovaia sfera prirody v poezii V.S. Solov'eva [The fiery-light sphere of nature in the poetry of V.S. Solovyov]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie.*

Zhurnalistika [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2007, No. 3-4, pp. 39-46. (In Russ.)

Gavrilova V.G. *K.K. Sluchevskii v istorii russkoi literaturnoi kritiki* [K.K. Sluchevsky in the history of Russian literary criticism]. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute], 2010, No. 52, pp. 118-123. (In Russ.)

Ippolitova A.Iu. *Sluchevskii: filosofii, poetika, interpretatsiia* [Sluchevsky: philosophy, poetics, interpretation]. Saint-Petersburg, Filol. fak. SPbGU Publ., 2006, 319 p. (In Russ.)

Kozubovskaia G.P. *Poeziia A.A. Feta i mifologiya: ucheb. posobie* [A.A. Fet's poetry and Mythology: a textbook]. Barnaul, Izd-vo BGPU Publ., 2005, 256 p. (In Russ.)

Kozyreva A.Iu. *Lirika K. Sluchevskogo, filosofskie vozzreniia v sisteme poeticheskogo diskursa: Tsikly «Dumy», «Mefistofel'», «Chernozemnaia poloska», «Murmanskii otgoloski»: dissertatsiia: kand. filol. nauk* [Lyrics by K. Sluchevsky, philosophical views in the system of poetic discourse: Cycles “Duma”, “Mephistopheles”, “Chernozem strip”, “Murmansk echoes”: PhD thesis, summary]. Saint-Petersburg, 2003, 235 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniia-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumy-me> (access date: 06.02.2023) (In Russ.)

Legotina Iu.V. *Obrazy Severa i zimy v lirike K.K. Sluchevskogo* [Images of the North and Winter in the lyrics of K.K. Sluchevsky]. *Riabininskiie chteniia – 2015: materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiia Russkogo Severa* [Ryabinin Readings – 2015: materials of the VII Conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, Muzei-zapovednik «Kizhi» Publ., 2015, pp. 492-495. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskiie-chteniia-2015/1612.html> (access date: 06.12.2022). (In Russ.)

Madigozhina N.V. *Poetika K.K. Sluchevskogo: problemy polifonizma i prozaizatsii liriki: dis. ... kand. filol. nauk* [K.K. Sluchevsky's Poetics: problems of polypho-

nism and Prose lyrics: PhD thesis, summary]. Alma-Ata, 1991, 183 p. (In Russ.)

Miroshnikova O.V. *Analiz i interpretatsiia liricheskogo tsikla: «Mefistofel'» K.K. Sluchevskogo* [Analysis and interpretation of the lyrical cycle: “Mephistopheles” by K.K. Sluchevsky]. Omsk, OmGU Publ., 2003, 137 p. (In Russ.)

Mify narodov mira: entsiklopediia [Myths of the peoples of the world]. Moscow, 2008, 1147 p. URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mifi-narodov-mira-entsiklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (access date: 30.01.2023). (In Russ.)

Smorodinskaia T.E. *Konstantin Sluchevskii. Nesvoevremennyi poet* [Konstantin Sluchevsky. The Untimely Poet]. Saint-Petersburg, DNK Publ., 2008, 280 p. (In Russ.)

Sluchevskii K.K. *Sochineniia Sluchevskogo K.K.: v 6 t. T. 1. Stikhotvoreniia* [The writings of K.K. Sluchevsky: in 6 vols. Vol. 1. Poems]. Saint-Petersburg, Izd. A.F. Marksa Publ., 1898, 368 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. *Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone: Monografiia* [Konstantin Sluchevsky. Portrait on Pushkin's background: monograph]. Saint-Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, 400 p. (In Russ.)

Fedorov A.V. *Poeticheskoe tvorchestvo K.K. Sluchevskogo. Sluchevskii K.K. Stikhotvoreniia i poemy* [Poetic creativity of K.K. Sluchevsky. Sluchevsky K.K. Poems and poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1962, pp. 5–52. (In Russ.)

Shokhina E.V. *Akvaticheskie i soliarnye motivy v letnikh tekstakh russkikh poetov nachala XIX veka* [Aquatic and solar motifs in summer texts of Russian poets of the early XIX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism], 2017, No. 2, pp. 81-84. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 18.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 18.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.